

Л. Могилевская,

заслуженный работник культуры РСФСР

1. Студенткой фортепианного факультета Ленинградской консерватории я впервые встретилась с музыкой Прокофьева, но вся моя жизнь связана с его оперным и камерным творчеством. Фактически первое потрясение от искусства — это «Война и мир» Б. Покровского и С. Самосуда в МАЛЕГОТе. После

этого я совершенно помешалась на этом авторе, дружа со студентами-вокалистами, предлагала всем выучить что-нибудь Прокофьева, но никто не хотел, потому что по программе не полагалось и считалось, что это портит голос.

После окончания консерватории я работала в МАЛЕГОТе, кото-

рый считался лабораторией советской оперы. Этот театр, в котором тогда работали С. Самосуд, Н. Смолич, Э. Грикуров, не обходился без советских композиторов. Там постоянно шла «Война и мир», и это была первая опера, в которую я захотела войти. Изучив ее по-настоящему, я до сего дня, отрывая клавиш, занимаясь с кем-нибудь из артистов, назначенных на роль, нахожу в ней новое — как в любом классическом произведении.

2. В занятиях с певцами меня привлекает возможность искать смысл фразы и пробовать разный подтекст. Произведения Прокофьева всегда дают возможность проявиться индивидуальности артиста. Я знала замечательного Анатоля Курагина в МАЛЕГОТе — Федора Андруковича, который первым воплотил этот образ. Мне казалось, что лучше и иначе быть не может. Но в Большом театре иначе и интереснее пел Алексей Масленников. Первым великолепным Болконским был в Ленинграде С. Шапошников; в Москве, в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, Болконского пел на редкость сдаренный баритон Лев Морозов, который переехал потом в Ленинград. А здесь, в Большом театре, Е. Кибкало, Ю. Мазурек и И. Морозов были разными и по-своему замечательными Болконскими.

А сколько было на моем веку прекрасных Наташ! Татьяна Лаврова — первая Наташа, там же, в Ленинграде, Вера Кудрявцева, а здесь — Г. Вишневская, Т. Милашкина, М. Касрашвили, с которой я готовила эту партию.

В Ленинграде мне посчастливилось участвовать в работе над «Любовью к трем апельсинам». Не могу не сказать, каким феноменальным Королем Треф был Евгений Нестеренко.

С «Дузней», «Семеном Котко» и «Игроком» я встретилась уже в Большом театре.

3. Особенно дорого, что работа над прокофьевскими образами развивает индивидуальность исполнителей, с каждым из них я имею возможность творчески работать над образом, находить индивидуальную интонацию для каждого артиста, обладающего личностными качествами.

4. Очень сожалею, что не идет «Семен Котко». В последнее время нас порой ругают за то, что мы долго сохраняем спектакли в репертуаре. Может быть, какие-то спектакли и изжили себя, но не «Семен Котко».

Мечтаю дожидаться постановки «Огненного ангела».

Великое счастье участвовать во всех прокофьевских спектаклях Большого театра, но работа в оперных театрах Европы и США дает огромную пользу от общения с иными методами постановки и выпуска спектакля. Я участвовала в постановке «Хованщины» в Ковент-Гардене в оркестровке Д. Д. Шостаковича, «Мертвых душ» в Бостоне, «Богемы» в Рейкьявике, а прошлым летом — в постановке «Войны и мира» в Сиэтле (США). Наши артисты-вокалисты не готовы к музыке XX века. Прокофьев — это уже классик, а кое-кто до сих пор считает, что портит голос, исполняя его музыку. Я не могу не сказать, с каким удовольствием работали американские певцы, как они хотели узнать все, что мы сами знаем об этом сочинении — дирижер М. Эрмлер, четыре солиста из Ленинграда и я. А мы знаем хрестоматийный спектакль Большого театра, хорошо знаем и любим эту оперу и были рады передать свой опыт и знания, нашу исполнительскую традицию. Режиссер Франческа Замбелла, которая ставила спектакль, — очень талантлива. Успех был столь велик, что спектакль был снят на видеокассету и увеличено количество представлений.